

СЪВЕРНАЯ ЛЮБОВЬ А. С. ПУШКИНА.

Въ біографіи Пушкина есть много темныхъ мѣстъ, но нѣтъ ни одного, которое было бы менѣе освѣщено, чѣмъ тотъ эпизодъ, которому посвящены настоящія замѣтки. Мы говоримъ о первой поѣздкѣ Пушкина на Кавказъ и въ Крымъ, въ 1820 году. Здѣсь ничего не обследовано—ни душевное состояніе Пушкина въ эти первые дни изгнанія, ни вліяніе на него новой обстановки, ни даже внѣшняя исторія поѣздки. Правда, документальныя свѣдѣнія объ этомъ періодѣ жизни Пушкина чрезвычайно скудны: два-три мѣста въ его письмахъ, нѣсколько замѣтокъ въ путевыхъ запискахъ Геракова, который путешествовалъ по Кавказу и Крыму въ одно время съ Пушкинымъ и нѣсколько разъ встрѣтился съ нимъ тамъ, наконецъ, коротенькій разсказъ врача, сопровождавшаго Раевскихъ въ этой поѣздкѣ—Рудыковского— вотъ и все, что у насъ есть. Но и этими свѣдѣніями біографы Пушкина далеко не воспользовались вполнѣ, а главное—они оставили безъ вниманія весь тотъ обильный біографическій матеріалъ, который заключенъ въ самихъ стихахъ Пушкина. Пушкинъ необыкновенно правдивъ, въ самомъ элементарномъ смыслѣ этого слова; каждый его личный стихъ заключаетъ въ себѣ автобіографическое признаніе совершенно реального свойства, — надо только пристально читать эти стихи и вѣрить Пушкину. Такой опытъ «медленнаго чтенія» и представляетъ нашъ очеркъ. Мы не думаемъ исчерпать вопросъ о первой поѣздкѣ Пушкина на югъ, но, можетъ-быть, наша попытка побудитъ и другихъ изслѣдователей заняться этимъ предметомъ и освѣтить его всесторонне.

I.

Какъ извѣстно, въ началѣ мая 1820 года Пушкинъ, высланный изъ Петербурга въ распоряженіе главнаго попечителя колонистовъ Южнаго края, ген. Инзова, отправился по мѣсту назначенія въ Екатеринославъ. Здѣсь онъ вскорѣ схватилъ жестокою лихорадку, выкупавшись въ Днѣпрѣ. Недѣли двѣ по его приѣздѣ проѣзжалъ чрезъ Екатеринославъ генераль Н. Н. Раевскій, герой 12-го года, направлявшійся съ частью своей семьи (сыномъ Николаемъ и дочерьми Маріей и Софьей, въ сопровожденіи врача, гувернантки и прислуги) на кавказскія минеральныя воды, гдѣ долженъ былъ уже застать старшаго своего сына, Александра Николаевича, который его опередилъ. Н. Н. Раевскій-сынъ былъ еще въ Петербургѣ близокъ съ Пушкинымъ. Найдя послѣдняго больнымъ въ Екатеринославѣ, Раевскіе, съ разрѣшенія Инзова, взяли его съ собою. Съ ними Пушкинъ прожилъ два мѣсяца на минеральныхъ водахъ, и съ ними же въ половинѣ августа переѣхалъ въ Крымъ, въ Гурзуфъ, гдѣ находились остальные члены семьи Раевского: его жена и другія двѣ дочери — старшая Екатерина и Елена. Въ Гурзуфѣ Пушкинъ прожилъ три недѣли, послѣ чего, разставшись съ Раевскими, отправился на новое мѣсто своей службы — въ Кишиневъ.

Такова общеизвѣстная исторія этой поѣздки. Начнемъ съ внѣшнихъ фактовъ и постараемся, прежде всего, установить возможно подробно «итинерарій» поэта.

4 мая помѣчено письмо гр. Каподистрія къ Инзову о переводѣ Пушкина къ нему на службу (это письмо долженъ былъ доставить Инзову самъ Пушкинъ), а 7-го мая Екат. Ник. Раевская, посылая изъ Петербурга письмо брату Александру въ Кіевъ, поясняла, почему оно идетъ почтою: «мама забыла послать его съ Пушкинымъ». Это показываетъ, что Пушкинъ выѣхалъ изъ Петербурга послѣ 4-го и раньше 7-го, т.-е. 5-го или 6-го мая *).

Въ тѣ времена пользованіе «оказіями» для пересылки писемъ было, какъ извѣстно, очень распространено. Раевскіе, конечно,

---

*) «Онъ завтра отправляется курьеромъ къ Инзову», писалъ А. И. Тургеневъ 5-го мая. «Остаф. Арх.», II, 37.

знали Пушкина, хотя бы чрезъ Н. Н. Раевского младшаго, съ которымъ онъ былъ близокъ, знали и о его высылкѣ; но ничто—и эта приписка въ письмѣ Екат. Ник. въ томъ числѣ—не даетъ основаній думать, что онъ въ Петербургѣ былъ вхожъ въ это семейство. Напротивъ, все показываетъ, что только на югѣ онъ не только сблизился, но даже познакомился съ Раевскими. Достаточно вспомнить, въ какомъ тонѣ онъ разсказываетъ о нихъ брату тотчасъ по прїѣздѣ въ Кишиневъ (въ письмѣ отъ 24 сентября).

Нѣсколько лѣтъ назадъ, въ «Новомъ Времени» (№ 8285) было напечатано письмо въ редакцію изъ Бахмута, оставшееся, къ сожалѣнiю, незамѣченнымъ. Автору этого письма (онъ подписался: «бывшій предводитель дворянства въ одномъ изъ уѣздовъ Екатеринославской губернiи») въ 1820 году было только десять лѣтъ, значить свои свѣдѣнiя о пребыванiи Пушкина въ Екатеринославѣ онъ могъ почерпнуть только изъ чужихъ разсказовъ или изъ какой-нибудь современной записи. Но свѣдѣнiя, заключающiяся въ его письмѣ, чрезвычайно любопытны. Вотъ оно.

«Пушкинъ проживалъ въ Екатеринославѣ въ 1820 году, съ половины мая до начала iюня, что длилось дней 18, до прїѣзда въ Екатеринославъ генерала Раевского, который ѣхалъ со своимъ семействомъ на Кавказъ изъ Петербурга и проѣздомъ остановился въ Екатеринославѣ по просьбѣ своего сына, который ѣхалъ повидаться со своимъ прiятеlemъ Пушкинымъ, котораго, по указанiю генерала Инзова, нашли въ домѣ, или скорѣе въ домикѣ, на Мандрыковкѣ. Когда генералъ Раевскiй съ сыномъ вошли въ комнату, то глазамъ ихъ представилось слѣдующее: Александръ Сергѣевичъ лежалъ на досчатой скамейкѣ или досчатомъ диванѣ. Онъ былъ боленъ. На Раевскихъ онъ произвелъ удручающее впечатлѣнiе при этой обстановкѣ. При видѣ Раевскихъ у него отъ радости показались слезы. Раевскiй выхлопоталъ ему отпускъ, и четвертаго или пятаго iюня онъ вмѣстѣ съ ними уѣхалъ на Кавказъ».

Въ этомъ сообщенiи есть свѣдѣнiя, которыми мы раньше не располагали. Во всемъ, что было извѣстно раньше, оно совершенно точно, и даже освѣщаетъ кое-что, что было не совсѣмъ ясно; такъ, напримѣръ, авторъ пишетъ, что навѣститъ Пушкина отправился не только Раевскiй-сынъ, но и самъ генералъ, его отецъ,—и это подтверждается словами самого Пушкина въ упомянутомъ уже письмѣ къ брату: «Генералъ Раевскiй... нашель

меня въ жидовской хатѣ», и т. д. Эта точность сообщенія въ его извѣстной части внушаетъ довѣріе и къ новымъ свѣдѣніямъ, которыя оно содержитъ: что Раевскій заѣхалъ въ Екатеринославъ по просьбѣ сына, который хотѣлъ повидаться тамъ съ Пушкинымъ; что Пушкинъ былъ до слезъ обрадованъ ихъ прїѣздомъ, и что изъ Екатеринослава они выѣхали 4 или 5 іюня.

Мы имѣемъ теперь возможность съ точностью установить дальнѣйшій маршрутъ нашихъ путешественниковъ. Въ семейномъ архивѣ внуковъ М. Ѡ. Орлова, который, какъ извѣстно, въ началѣ двадцатыхъ годовъ женился на старшей дочери ген. Раевского, Екатеринѣ Николаевнѣ, сохранились письма, писанныя Раевскимъ-отцомъ къ этой самой дочери съ кавказскихъ минеральныхъ водъ въ теченіе этого лѣта. Въ главной своей части они представляютъ какъ бы дорожный дневникъ. Имя Пушкина въ этихъ письмахъ не упоминается ни разу — безъ сомнѣнія потому, что, кромѣ самого Ник. Ник., писали Екатеринѣ Николаевнѣ съ дороги и съ мѣста и братъ Николай, и сестры, ѣхавшія съ отцомъ: они вѣроятно и описали ей встрѣчу съ поэтомъ въ Екатеринославѣ и дальнѣйшее совмѣстное путешествіе съ нимъ. По той же причинѣ старикъ не упоминаетъ и о встрѣчѣ съ сыномъ Александромъ въ Горячеводскѣ, и вообще ничего не пишетъ о бывшихъ съ нимъ членахъ семьи. На всѣхъ его письмахъ—надпись: «Катенькѣ»; очевидно, полный адресъ (и не на ея имя, а на имя матери, С. А.) писался на общемъ пакетѣ, заключавшемъ и его письма къ женѣ, и письма молодежи.

Эти письма Н. Н. Раевского читатель найдетъ въ приложеніи къ настоящей статьѣ. Они любопытны, какъ итинерарій Пушкина и какъ живая рѣчь его амфитріона. Въ нихъ—точно движущаяся панорама тѣхъ мѣстъ, чрезъ которыя проѣзжалъ поэтъ, и отзвукъ тѣхъ поясненій, которыя, можетъ-быть, давалъ старикъ Раевскій своимъ молодымъ спутникамъ.

Эти письма позволяютъ, прежде всего, устранить одно недоразумѣніе, связанное съ ссылкой Пушкина на югъ. Опираясь на слова Карамзина въ письмѣ къ кн. Вяземскому, что Пушкинъ «благополучно поѣхалъ въ Крымъ», многіе думаютъ, что Пушкинъ еще въ Петербургѣ зналъ о предстоящей ему поѣздкѣ на Таврической полуостровъ. Эта догадка безъ сомнѣнія ошибочна. Самъ Пушкинъ, въ упомянутомъ письмѣ къ брату, рассказавъ о своей

встрѣчѣ съ Раевскими въ Екатеринославѣ, пишетъ: «Сынъ его... *предложилъ мнѣ* путешествіе къ Кавказскимъ водамъ», т.-е. предложилъ тутъ же, при встрѣчѣ; слѣдовательно, предварительнаго уговора не было. Что же касается Крыма, то, какъ показываютъ помѣщаемыя ниже письма Раевского, послѣдній и самъ до конца лѣта не былъ увѣренъ, что попадетъ въ Крымъ: его жена съ двумя дочерьми оставались въ Петербургѣ, и ихъ пріѣздъ въ Гурзуфъ, повидимому, не былъ окончательно рѣшенъ съ весны. Выраженіе Карамзина объясняется, конечно, простой неточностью; онъ имѣлъ въ виду больше служебное званіе Инзова, къ которому прикомандировывался Пушкинъ («попечитель колоній южнаго края»), нежели точное обозначеніе мѣста.

По этимъ письмамъ маршрутъ Раевскихъ и Пушкина можетъ быть опредѣленъ довольно точно. Въ Екатеринославѣ Раевскіе пріѣхали въ десятомъ часу вечера, и еще въ тотъ же вечеръ (какъ свидѣтельствуется Рудыковскій) старикъ съ сыномъ разыскали Пушкина: любопытная черта для характеристики отца-Раевского; этотъ превосходный человѣкъ, сильный духомъ и вмѣстѣ нѣжный, видно, съ теплымъ участіемъ отнесся къ больному пріятелю сына, если ночью, усталый съ дороги, пошелъ вмѣстѣ съ сыномъ разыскивать его; неудивительно, что Пушкинъ былъ тронутъ.

Согласіе Инзова на отпускъ Пушкину было получено, конечно, безъ труда, и уже на другой день послѣ завтрака путешественники выѣхали изъ Екатеринослава; по всей вѣроятности, это было именно 4-го іюня. Отъ Екатеринослава ѣхали, какъ видно изъ нижеприводимыхъ писемъ, весь остальной день и затѣмъ всю ночь. Утромъ 5-го іюня пріѣхали въ Таганрогъ, провели здѣсь день и ночевали. 6-го утромъ выѣхали изъ Таганрога, проѣхали Ростовъ-на-Дону, и вечеромъ того же дня пріѣхали въ Аксай; здѣсь переночевали, и слѣдующій день провели въ Новочеркасскѣ. Утромъ 8-го числа выѣхали изъ Аксая; 9-го пріѣхали въ Ставрополь и, проѣхавъ далѣе, ночевали не доѣзжая Георгіевска; 10-го пріѣхали въ Георгіевскъ, здѣсь переночевали и, выѣхавъ утромъ 11-го, въ тотъ же день прибыли на Горячія воды. Съ этимъ расчетомъ вполне согласуется то, что 13-го Раевскій-отецъ принялся писать свое обстоятельное письмо дочери.

На Горячихъ водахъ Раевскіе съ Пушкинымъ прожили, какъ показываютъ тѣ же письма, нѣсколько больше трехъ

недѣль; 3-го іюля они переѣхали въ Желѣзноводскъ, рассчитывая пробыть тамъ двѣ недѣли и затѣмъ перебраться въ Кисловодскъ, тоже на двѣ недѣли. Вѣроятно, около 1-го августа Раевскіе оставили Кисловодскъ и двинулись въ обратный путь, опять чрезъ Горячія воды, гдѣ, повидимому, провели день или два; здѣсь Гераковъ, 2-го августа, видѣлся съ Пушкинымъ («Путевыя записки», 99—100). По этимъ же запискамъ Геракова мы можемъ возстановить весь обратный маршрутъ Раевскихъ съ Кавказа въ Крымъ: 8-го августа онъ встрѣтился съ ними въ Темижбекѣ и потомъ въ крѣпости Кавказской, 14-го — въ Тамани, 15-го — въ Керчи, 17-го — въ Феодосіи. Изъ письма Пушкина къ брату видно, что ѣхали они до Тамани въ каретахъ, отсюда до Керчи моремъ, затѣмъ опять въ каретахъ до Феодосіи. Если и допустить, что въ Феодосіи они нѣсколько задержались (младшій Раевскій захворалъ въ дорогѣ), то все-таки морской переѣздъ изъ Феодосіи въ Гурзуфъ они совершили, безъ сомнѣнія, числа 18-го или 19-го. Во время этого ночного переѣзда, какъ извѣстно, была написана Пушкинымъ элегія «Погасло дневное свѣтило». Эту элегію Пушкинъ потомъ послалъ брату для передачи Гречу, и вѣроятно уже братъ выставилъ подъ нею ту ошибочную помѣтку: «Черное море, 1820, сентябрь», съ которою она была напечатана въ «Сынѣ Отечества» и печатается донинѣ.

Итакъ, въ Гурзуфъ Пушкинъ прибылъ около 19-го августа. Здѣсь уже ждали ихъ жена Раевского съ остальными двумя дочерьми, Екатериной и Еленой, по которымъ старикъ такъ скучалъ на Кавказѣ. Въ письмѣ къ брату Пушкинъ говоритъ, что прожилъ въ Гурзуфѣ три недѣли; значитъ, онъ долженъ былъ уѣхать оттуда, считая съ 19-го августа, около 10-го сентября, и въ Кишиневъ онъ прибылъ, вѣроятно, около 15-го. И дѣйствительно, 24-го сентября онъ пишетъ изъ Кишинева брату неоднократно упомянутое нами письмо, которое по всему своему характеру заставляетъ думать, что онъ въ Кишиневѣ уже, по крайней мѣрѣ нѣсколько дней. Всѣ эти даты почти абсолютно точны; но почему въ черновыхъ рукописяхъ Пушкина *два раза* встрѣчается помѣтка подъ стихами: «Гурзуфъ, 20-го сентября», мы не можемъ себѣ объяснить. Чтобы писать брату изъ Кишинева 24-го сентября, онъ долженъ былъ выѣхать изъ Гурзуфа во всякомъ случаѣ раньше 20-го.

Изъ Гурзуфа Раевскіе поѣхали, какъ извѣстно, въ Каменку. Въ

Пушкинской литературѣ было много споровъ о томъ, сопровождалъ ли ихъ туда и Пушкинъ, чтобы уже оттуда направиться въ Кишиневъ. Но этотъ вопросъ рѣшается безъ труда. Исслѣдователи упустили изъ виду, что у Геракова есть, кромѣ всѣмъ извѣстныхъ «Путевыхъ записокъ», еще и «Продолженіе путевыхъ записокъ», изданное отдѣльной книгою въ 1830 г. Здѣсь онъ рассказываетъ о своихъ встрѣчахъ съ Раевскими въ Симферополѣ и Бахчисараѣ еще 19-го и 20-го сентября (стр. 24, 29), когда Пушкина уже несомнѣнно не было въ Крыму; значить, онъ не могъ сопровождать Раевскихъ въ Каменку. Упустили изъ виду еще и то, что И. М. Муравьевъ-Апостолъ («Путешествіе по Тавридѣ въ 1820 г.», стр. 47—48) рассказываетъ о своей встрѣчѣ съ Раевскими въ Сабляхъ, у А. М. Бороздина (въ пятнадцати верстахъ отъ Симферополя). Муравьевъ выѣхалъ изъ Одессы въ Крымъ 11-го сентября, раза два останавливался на сутки въ дорогѣ, и, слѣдовательно, не могъ пріѣхать въ Сабли раньше 18-го—20-го сентября; а онъ прожилъ въ Сабляхъ четверо сутокъ и, уѣзжая, повидимому, еще оставилъ тамъ Раевскихъ. Что съ ними тогда уже не было Пушкина, видно изъ словъ самого Пушкина, въ письмѣ къ Дельвигу 1824 г.: «Я былъ на полуостровѣ въ тотъ же годъ и почти въ то же время, какъ и И. М. Очень жалѣю, что мы не встрѣтились».

II.

Отъ этихъ внѣшнихъ фактовъ перейдемъ къ внутренней, къ душевной жизни Пушкина въ первые мѣсяцы его ссылки.

Уже В. Д. Спасовичъ обратилъ вниманіе на то, что въ стихахъ Пушкина задолго до ссылки, едва ли не съ 1817 года, временами сказывается неудовлетворенность разсѣянной петербургской жизнью. Инстинктивно онъ, повидимому, давно уже рвался вонъ изъ этой обстановки. Къ концу петербургскаго періода это чувство въ немъ крѣпнеть, овладѣваетъ сознаниемъ и обнаруживается съ полной ясностью. Весь послѣдній годъ передъ ссылкой Пушкинъ уже сознательно стремится вонъ изъ Петербурга. Мы знаемъ, что въ мартѣ 1819-го года онъ собирался вступить въ военную службу и уѣхать на Кавказъ; потомъ, оставивъ это намѣреніе подъ вліяніемъ авторитетныхъ совѣтовъ, онъ рѣшаетъ удалиться въ отцовскую деревню:

Смиривъ немирныя желанья,
 Безъ доломана, безъ усовъ,
 Сокроюсь съ тайною свободой,
 Съ цѣвницей, нѣгой и природой
 Подъ сѣнью дѣдовскихъ лѣсовъ,
 Надъ озеромъ, въ спокойной хатѣ, и т. д.

Лѣтомъ этого же года, живя въ деревнѣ, онъ пишетъ:

Привѣтствую тебя, пустынный уголокъ,
 Приютъ спокойствія, трудовъ и вдохновенья,
 Гдѣ лететь дней моихъ невидимый потокъ
 На лонѣ счастья и забвенья!
 Я твой: я промѣнялъ порочный дворъ Цирцей, и т. д.

И здѣсь опять звучить у него тотъ же мотивъ—жажда свободы:

Я здѣсь, отъ суетныхъ оковъ освобожденный,
 Учуся въ истинѣ блаженство находить...

Онъ впервые сблизился съ Чаадаевымъ, еще будучи въ лицей, и затѣмъ тѣсно подружился съ нимъ уже въ Петербургѣ, въ 1818—1819 гг.; и вотъ какъ онъ, въ посланіи къ Чаадаеву, характеризуетъ эти два момента своей жизни:

Ты сердце зналъ мое во цвѣтѣ юныхъ дней;
 Ты видѣлъ, какъ потомъ въ волненіи страстей
 Я тайно изнывалъ, страдалецъ утомленной...

Эта строка, въ которой Пушкинъ изображаетъ свое душевное состояніе за время передъ ссылкой, не оставляетъ ничего желать въ смыслѣ ясности: онъ «тайно изнывалъ» въ «суетныхъ оковахъ» — онъ жаждалъ «свободы».

И вотъ онъ покидаетъ Петербургъ. Правда, онъ не самъ расторгнулъ оковы, — онъ выброшенъ отсюда грубой рукой; но онъ такъ долго, такъ страстно рвался вонъ, что важность самаго факта застилаетъ для него причину: ему кажется, что онъ *самъ* бѣжалъ, въ поискахъ свободы и свѣжихъ впечатлѣній. Въ томъ же посланіи къ Чаадаеву (апрѣль 1821 г.) онъ говоритъ:

И, стѣи разорвавъ, гдѣ бился я въ плѣну,
 Для сердца новую вкушаю тишину.

Еще опредѣленнѣе онъ говоритъ объ этомъ въ элегій, написанной на пути изъ Θεодосіи въ Гурзуфъ:

*Искатель новых впечатлѣній,
Я васъ бѣжалъ, отечески края,
Я васъ бѣжалъ, питомцы наслажденій,
Минутной младости минутные друзья.*

И еще долго спустя, въ «Бахчисарайскомъ Фонтанѣ», онъ упорно повторяетъ: «Покинувъ сѣверъ *наконецъ...*»

Это—капитальный фактъ изъ внутренней біографіи Пушкина; мы увидимъ дальше, какую важную роль онъ сыгралъ въ творчествѣ нашего поэта.

Итакъ, онъ на волѣ, онъ вырвался изъ душевной атмосферы «свѣта», онъ свободенъ отъ «стѣснительныхъ условій и оковъ». Какъ же онъ чувствуетъ себя въ первые мѣсяцы ссылки? Счастливъ ли онъ своей свободой? вбираетъ ли онъ жадно тѣ новыя впечатлѣнія, которыхъ такъ искалъ? — Нѣтъ; въ немъ произошла какая-то глубокая перемена, которую онъ самъ не въ силахъ себѣ уяснить. На протяженіи многихъ мѣсяцевъ послѣ приѣзда на югъ его стихи и письма говорятъ объ одномъ: о полной апатіи, объ омертвѣлости духа, о недоступности какимъ бы то ни было впечатлѣніямъ.

Это началось, повидимому, тотчасъ по приѣздѣ. На Горячихъ водахъ онъ пишетъ эпилогъ къ «Руслану и Людмилѣ» — и здѣсь мы находимъ такія строки:

Забывтый свѣтомъ и молвою,
Далече отъ береговъ Невы,
Теперь я вижу предъ собою
Кавказа гордыя главы.
Надъ ихъ вершинами крутыми,
На скатѣ каменныхъ стремницъ,
Питаюсь чувствами нѣмыми
И чудной прелестью картинъ
Природы дикой и угрюмой;
Душа, какъ прежде, каждый часъ
Полна томительною думой —
Но огонь поэзіи погасъ.
Ищу напрасно впечатлѣній:
Она прошла, пора стиховъ,
Пора любви, веселья сновъ,
Пора сердечныхъ вдохновеній!

Недолго спустя, на южномъ берегу Крима, онъ въ стихотвореніи «Чаадаеву» говоритъ о себѣ:

...въ сердцѣ, бурями смиренномъ,
Теперь и лѣнь и тишина.

И тамъ же, въ Гурауфѣ, пишетъ онъ великолѣпное стихотвореніе «Мнѣ васъ не жаль», гдѣ, перечисливъ безъ сожалѣнія утѣхи своей бурной юности, говорить:

Но гдѣ же вы, минуты умиленья,
Младыхъ надеждъ, сердечной тишины,
Гдѣ прежній жаръ и нѣга вдохновенья?..
Придите вновь, года моей весны!

Его обычная впечатлительность какъ бы атрофирована. Нѣсколько лѣтъ спустя, онъ такъ—самъ удивляясь своей безчувственности — рассказывалъ въ письмѣ къ Дельвигу (черновомъ) о своемъ перѣздѣ съ Кавказа въ Крымъ. Въ Керчи онъ посѣтилъ гробницу Митридата. «Воображеніе мое спало; хоть бы одно чувство, нѣтъ! тамъ сорвалъ цвѣтокъ для памяти и на другой день потерялъ его безъ всякаго сожалѣнія. Развалины Пантикапей подѣйствовали на мое воображеніе еще того менѣе». Ночью, плывя изъ Θεодосіи въ Гурзуфъ, онъ не спалъ, но когда капитанъ указалъ ему вдали Чатырдагъ, онъ не различилъ его, «да и не любопытствовалъ». И дальше, среди тѣхъ строкъ, гдѣ онъ описываетъ свою жизнь въ Гурзуфѣ, есть неоконченная фраза: «Холодность моя посреди прелестей природы...» Только на минуту, въ ту безсонную ночь на кораблѣ, ожила его душа при воспоминаніи о прошломъ — и «въ очахъ родились слезы *вновь*».

Надо замѣтить, что это состояніе безчувственности, безочарованности, осложняясь и углубляясь, длилось у Пушкина затѣмъ еще очень долго, — но это для насъ теперь не важно: мы изучаемъ только первое время его ссылки.

Въ эти первые мѣсяцы безчувственность сказывалась у него еще косвенно: временной утратой поэтическаго вдохновенія. Ему самому казалось, что онъ утратилъ вдохновеніе навсегда. Мы уже видѣли въ эпилогѣ къ «Руслану и Людмилѣ»: «огнь поэзіи погасъ», и т. д. Этотъ эпилогъ кончается такими строками:

Восторговъ краткій день протекъ —
И скрылась отъ меня *навѣкъ*
Богиня тихихъ пѣснопѣній...

И это сознаніе, опять-таки, еще долго звучитъ въ его стихахъ:

И ты, моя задумчивая лира...
Найдешь ли вновь *утраченные* звуки.

(«Желаніе», 1821 г.)

Предметы гордыхъ пѣскопѣній
Разбудятъ мой *уснувшій* геній...

(«Война», 1821 г.)

и еще въ первой пѣсни «Онѣгина»:

Адриатическія волны!
О, Брента! нѣтъ, увижу васъ,
И, *вдохновенья снова полный*,
Услышу вашъ волшебный гласъ!

Пушкинъ, разумѣется, старался дать себѣ отчетъ — откуда эта мертвенность его духа, — и отвѣтъ напрашивался самъ собою: бурныя страсти опустошили его душу;

...рано *въ буряхъ отцвѣла*
Моя потерянная младость,

говорить онъ въ элегіи «Погасло дневное свѣтило», и повторяетъ это потомъ многократно: «въ волненіи страстей я тайно изнывалъ», и т. д. Но къ этому мы еще вернемся.

III.

Надо ясно представить себѣ душевное состояніе Пушкина въ эти первые мѣсяцы ссылки, чтобы не исказить перспективы его настроеній. Эту самую мертвенность духа надо понимать условно. Пушкинъ писалъ потомъ о своей жизни въ Крыму, что это были «счастливейшія минуты его жизни», что онъ «наслаждался» южной природой. Но это было наслажденіе пассивное: онъ самъ прибавляетъ, что сразу привыкъ къ южной природѣ «и ни на минуту ей не удивлялся». Его душа была закрыта для очарованій, но красоты природы, миръ, счастливый кругъ семьи, въ которую онъ вошелъ, — все это дѣйствовало на него благотворно.

А въ глубинѣ души онъ въ эти самые дни внѣшней безчувственности свято лелѣялъ какое-то живое и сильное чувство.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что Пушкинъ вывезъ изъ Петербурга любовь къ какой-то женщинѣ, и что эта любовь

жила въ немъ на югѣ еще долго, во всякомъ случаѣ—до Одессы. Онъ говоритъ о ней съ ясностью, не оставляющей мѣста никакимъ толкованіямъ. Почему онъ не спалъ въ ту ночь на военномъ бригѣ, везшемъ его и Раевскихъ въ Гурзуфъ? Онъ плылъ въ виду полуденныхъ береговъ—но Чатырдагъ оставляетъ его равнодушнымъ: *«воспоминаньемъ упоенный»*, онъ думаетъ о своей любви—онъ *«вспомнилъ прежнихъ лѣтъ безумную любовь»*, и это-то воспоминаніе вызвало слезу на его глаза. Онъ говоритъ о томъ, что бѣжалъ отъ минутныхъ друзей юности, бѣжалъ изъ отеческаго края,—

Но прежнихъ сердца рань,
Глубокихъ рань любви ничто не излѣчило.

Въ посвященіи къ «Кавказскому Плѣннику» онъ говоритъ Раевскому-сыну, вспоминая свою ссылку и время, проведенное съ нимъ на Кавказѣ и въ Крыму:

Когда киджалъ измѣны хладной,
Когда любви тяжелый сонъ
Меня терзали и мертвили—
Я при тебѣ еще спокойство находилъ;

и образъ этой же женщины «преслѣдоваль» его тогда, когда онъ стоялъ передъ фонтаномъ слезъ въ Бахчисарафѣ, и о ней онъ говоритъ въ заключительныхъ строкахъ «Бахчисарайскаго Фонтана» (1822 г.):

Я помню столь же милый взглядъ
И красоту еще земную *);
Всѣ думы сердца къ ней летятъ;
Объ ней въ изгнаніи тоскую...

Эти намеки слишкомъ содержательны и слишкомъ тождественны, чтобы можно было ими пренебречь. Эти сейчасъ приведенные стихи («любовный бредъ», какъ назвалъ ихъ Пушкинъ въ одномъ письмѣ) онъ выключилъ при первомъ изданіи поэмы—какъ дѣлалъ всегда съ стихами, содержащими личный намекъ. Что женщина, которую онъ любилъ, жила на сѣверѣ, показываетъ стихъ:

Объ ней въ изгнаніи тоскую.

*) «Еще земную» — въ противоположность *тѣнлмъ* Маріи и Заремы.

Кто была эта женщина? Биографы не знают за Пушкиным никакой *стверной* любви на югѣ. Напротивъ, они утверждаютъ, что Пушкинъ въ Крыму влюбился въ Екатерину Николаевну Раевскую (другіе думаютъ, что въ Елену), и къ ней относятъ всё эротическія мѣста въ стихахъ Пушкина за 1820—1821 гг. Мы сейчасъ видѣли, что это была старая любовь, что воспоминаніе о ней преслѣдовало Пушкина и на Кавказѣ, и на пути въ Крымъ, т.-е. до встрѣчи съ Екатериной и Еленой Раевскими, наконецъ, что любимая имъ женщина несомнѣнно жила далеко («въ изгнаніи тоскую»). Но и помимо этихъ прямыхъ указаній, все говоритъ противъ предположенія о любви Пушкина къ какой-либо изъ Раевскихъ. Единственное стихотвореніе, которое съ нѣкоторымъ правомъ можно отнести къ одной изъ Раевскихъ—«Увы, зачѣмъ она блистаетъ»,—не содержитъ ни малѣйшаго намека на любовь. Уже позднѣе, въ Каменкѣ, Пушкинъ написалъ элегію: «Рѣдѣтъ облаковъ летучая гряда», полную воспоминаній о Крымѣ. Разрѣшая Бестужеву напечатать эту элегію, онъ потребовалъ, чтобы послѣдніе три стиха были выпущены,—и очень разсердился, когда увидѣлъ ихъ въ печати. Вотъ эти три стиха:

...Когда на хижины сходила ночи тѣнь
И дѣва юная во мглѣ тебя (звѣзду) искала
И именемъ своимъ — подругамъ называла.

Это былъ конкретный намекъ, возможно — на одну изъ Раевскихъ (и тогда—на Елену: «дѣва юная»). Но и въ этихъ трехъ стихахъ нѣтъ намека на любовь; напротивъ, весь характеръ воспоминанія исключаетъ мысль о какомъ-либо *остромъ* чувствѣ: «Надъ моремъ я влачилъ задумчивую лѣнь», говоритъ Пушкинъ о себѣ. Въ ближайшіе мѣсяцы послѣ Гурзуфа Пушкинъ раза два ѣздилъ изъ Кишинева къ Раевскимъ въ Кіевъ, но и тутъ ни однимъ стихомъ не обмолвился о своей любви. Наконецъ, его дальнѣйшія отношенія къ Екатеринѣ Николаевнѣ уже совершенно исключаютъ мысль о любви къ ней. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ Гурзуфа она вышла замужъ за М. Ѳ. Орлова и съ тѣхъ поръ жила въ Кишиневѣ, Пушкинъ былъ ежедневнымъ гостемъ въ ихъ домѣ и очень друженъ съ мужемъ, но ни изъ чего не видно, чтобы онъ страдалъ, ревновалъ и т. п. *).

*) См. нашу «Исторію Молодой Россіи», М. 1908, стр. 26—28.

Главнымъ основаніемъ легенды о любви Пушкина къ Екатеринѣ Николаевнѣ Раевской служатъ тѣ строки въ его стихахъ и письмахъ, гдѣ онъ говоритъ о женщинѣ, впервые рассказавшей ему исторію Бахчисарайскаго фонтана. Теперь даже трудно доискаться, кто первый пустилъ въ ходъ этотъ аргументъ. Все дѣло заключается въ слѣдующемъ. 8-го февраля 1824 года Пушкинъ писалъ Бестужеву: «Радуюсь, что мой Фонтанъ шумитъ. Недостатокъ плана не моя вина. Я суевѣрно перекладывалъ въ стихи рассказъ молодой женщины.

Aux douces lois des vers je pliais les accents
De sa bouche aimable et naïve».

Эти строки изъ Пушкинскаго письма неизвѣстно какимъ путемъ попали къ Булгарину, который и напечаталъ ихъ въ своемъ журналѣ съ поясненіемъ: «П. писалъ къ одному изъ своихъ друзей въ Петербургъ: «Недостатокъ плана...» и т. д. Когда Пушкинъ узналъ объ этомъ, его бѣшенству не было предѣла, и 29-го іюня онъ пишетъ Бестужеву (выговаривая и за другую нескромность — за напечатаніе тѣхъ трехъ заключительныхъ стиховъ): «Чортъ дернулъ меня написать еще кстати о Бахчисарайскомъ фонтанѣ какія-то чувствительныя строчки, и припомнить тутъ же элегическую мою красавицу. Вообрази мое отчаяніе, когда увидѣлъ ихъ напечатанными. Журналъ можетъ попасть въ ея руки. Что жъ она подумаетъ, видя, съ какой охотою бесѣдую объ ней съ однимъ изъ П. Б. моихъ друзей... Признаюсь, одной мыслью этой женщины дорожу я болѣе, чѣмъ мнѣніями всѣхъ журналовъ на свѣтѣ и всей нашей публики. Голова у меня закружилась».

И вотъ, біографы Пушкина, сопоставляя эти строки съ его словами въ письмѣ къ Дельвигу, что о фонтанѣ слезъ онъ впервые услышалъ отъ какой-то К**, рѣшили, что это и была Екатерина Николаевна Раевская, и что слѣдовательно, въ послѣднюю и былъ влюбленъ тогда Пушкинъ.

Между тѣмъ о Бахчисарайскомъ фонтанѣ Пушкинъ впервые услышалъ *несомнѣнно въ Петербургѣ*. Объ этомъ съ полною ясностью свидѣтельствуетъ черновой набросокъ начала «Бахчисарайскаго Фонтана».

Давно, когда мнѣ въ первый разъ
Любви повѣдали преданье,
Я въ шумъ радостномъ унылъ

И на минуту позабылъ
Роскошныхъ оргій ликованье.
 Но быстрой, быстрой чередой
 Тогда смѣнялись впечатлѣнья, и т. д.

Здѣсь такъ ясно обрисована *петербургская* жизнь Пушкина, что сомнѣній быть не можетъ. Въ письмѣ къ Дельвигу Пушкинъ говоритъ, что К** поэтически описывала ему фонтанъ, называя его «la fontaine des larmes», а въ самой поэмѣ онъ говоритъ объ этомъ:

Младья дѣвы въ той странѣ
Преданье старины узнали,
 И мрачный памятникъ оѣ
 Фонтаномъ слезъ именовали.

Эти выдержки, думается, рѣшаютъ вопросъ. Да и какъ можно было относить этотъ эпизодъ къ Екатеринѣ Николаевнѣ, которую мы хорошо знаемъ за натуру холодную, положительную, строгую, когда самъ Пушкинъ ту женщину, которая рассказывала ему о Бахчисарайскомъ фонтанѣ, характеризуетъ выраженіями: «поэтическое воображеніе К**», «элегическая моя красавица», и примѣняетъ къ ней стихъ: «bouche aimable et paive?» Какою представлялась ему Екатерина Николаевна, можно судить по тому, что Пушкинъ писалъ кн. Вяземскому по поводу «Бориса Годунова»: «Моя Марина славная баба: настоящая Катерина Орлова».

Итакъ, кто же былъ предметомъ этой сѣверной любви Пушкина на югѣ? Если до сихъ поръ мы стояли на почвѣ несомнѣнныхъ фактовъ и категорическихъ показаній самого Пушкина, то теперь мы вступаемъ въ область предположеній, очень соблазнительныхъ, болѣе или менѣе достовѣрныхъ, но требующихъ во всякомъ случаѣ еще всесторонней провѣрки.

Мы рѣшаемся думать, что этой женщиной была княгиня Марія Аркадьевна Голицына, урожденная Суворова-Рымникская, внучка генералиссимуса. Въ перепискѣ Пушкина нѣтъ никакого намека на его отношенія къ ней или къ ея семьѣ, біографы Пушкина ничего не говорятъ о ней. Она родилась 26 февраля 1802 г., значитъ, въ моментъ ссылки Пушкина ей было 18 лѣтъ. Она вышла замужъ 9 мая 1820 г., т.-е. дня черезъ три послѣ высылки Пушкина, за кн. Мих. Мих. Голи-

цына, и умерла она въ 1870 году*). Среди стихотвореній, написанныхъ Пушкинымъ на югѣ, есть три, несомнѣнно относящіяся къ ней. Приводимъ здѣсь же эти три стихотворенія. такъ какъ намъ придется въ дальнѣйшемъ не разъ сослаться на нихъ.

I.

Умолкну скоро я. Но если въ день печали
Задумчивой игрой мнѣ струны отвѣчали;
Но если юноши, внимая молча мнѣ,
Дивились долгому любви моей мученью;
Но если ты сама, предавшись умиленью,
Печальные стихи твердила въ тишины
И сердца моего языкъ любила страстной.
Но если я любимъ: позволь, о, милый другъ,
Позволь одушевить прощальный лиры звукъ
Завѣтнымъ именовъ любовницы прекрасной,
Когда меня навѣкъ обметъ смертный сонъ;
Надъ урною моей промолви съ умиленьемъ:
«Онъ мною былъ любимъ; онъ мнѣ былъ одолженъ
И пѣсенъ, и любви послѣднимъ вдохновееньемъ».

23 авг. 1821.

II.

Мой другъ, забыты мной слѣды минувшихъ лѣтъ
И младости моей мятежное теченье.
Не спрашивай меня о томъ, чего ужъ нѣтъ,
Что было мнѣ дано въ печаль и въ наслажденье,
Что я любилъ, что измѣнило мнѣ.
Пускай я радости вкушаю не вполне;
Но ты, невинная, ты рождена для счастья.
Безпечно вѣрь ему, летучій мигъ любви:
Душа твоя жива для дружбы, для любви,
Для поцѣлуевъ сладострастья;
Душа твоя чиста: унынье чуждо ей;
Свѣтла, какъ ясный день, младенческая совѣсть.

---

*) В. Саитовъ, «Петербургскій Некрополь», М. 1883, стр. 36.—Кн. Н. Н. Голицынь, «Матеріалы для полной родословной росписи кн. Голицыныхъ», Кіевъ, 1880, стр. 31. Эту Голицыну не надо смѣшивать съ другою — кн. Евд. Ив. Голицыной, которою Пушкинъ увлекался въ 1817 году. Подробнѣе о кн. М. А. Голицыной см. въ статьѣ П. Е. Щеголева: «Изъ разысканій въ области біографіи и текста Пушкина», въ 14-мъ выпускѣ «П. и его современники».

Къ чему тебѣ внимать безумства и страстей
 Незанимательную повѣсть?
 Она твой тихій умъ невольно возмутитъ;
 Ты слезы будешь лить, ты сердцемъ содрогнешься;
 Довѣрчивой души безпечность улетитъ,
 И ты моей любви, быть можетъ, ужаснешься.
 Быть можетъ, навсегда... Нѣтъ, милая моя,
 Лишиться я боюсь послѣднихъ наслажденій.
 Не требуй отъ меня опасныхъ откровеній:
 Сегодня я люблю, сегодня счастливъ я!

24—25 авг. 1821 г., въ ночь.

III.

Давно объ ней воспоминае
 Ношу въ сердечной глубинѣ;
 Ея минутное вниманье
 Отрадой долго было мнѣ.
 Твердилъ я стихъ обвороженный,
 Мой стихъ, унынья звукъ живой,
 Такъ мило ею повторенный,
 Замѣченный ея душой.
 Вновь лирѣ слезъ и тайной муки
 Она съ участіемъ вняла —
 И нынѣ ей передала
 Свои плѣнительные звуки...
 Довольно! въ гордости моей
 Я мыслить буду съ умиленьемъ:
 Я славой быть обязанъ ей,
 А можетъ быть, и вдохновеньемъ,

Одесса, 1823 г.

Изъ этихъ трехъ стихотвореній только послѣднее отмѣчено самимъ Пушкинымъ, какъ посвященное кн. М. А. Голицыной; первыя два отнесены къ ней уже позднѣйшими издателями сочиненій Пушкина *) по соображеніямъ, убѣдительность которыхъ, кажется, не можетъ быть оспариваема. Въ самомъ дѣлѣ, конецъ I и III тождественны; далѣе, въ I есть ясный намекъ на то, что данная женщина была очарована какими-то печальными

*) Второе было впервые напечатано въ 11-й кн. «Новостей литературы» за 1825-й годъ подъ названіемъ «Къ ***», см. цитир. ст. П. Е. Щеголева, стр. 81.

стихами Пушкина,—и этот самый случай вспоминаетъ Пушкинъ и въ III, несомнѣнно посвященномъ Голицыной. Что же касается II, т.-е. средняго стихотворенія, то оно хронологически такъ тѣсно связано съ первымъ, что ихъ невозможно отнести къ разнымъ лицамъ: первое написано 23-го авг., второе 24—25-го. Притомъ, ихъ нераздѣльность удостовѣряется еще слѣдующимъ обстоятельствомъ: въ черновомъ наброскѣ первая пьеса начиналась такъ: «Нѣтъ, поздно, милый другъ, узналъ я наслажденье» — и о наслажденьи же говорить и вторая пьеса: «Лишиться я боюсь послѣднихъ наслажденій» (слово «наслажденье» и тамъ, и здѣсь употреблено не въ чувственномъ смыслѣ, а въ значеніи радости, счастья). Итакъ, есть всѣ основанія относить эти три стихотворенія къ кн. М. А. Голицыной, какъ это и дѣлаютъ П. А. Ефремовъ и П. О. Морозовъ.

По этимъ тремъ пьесамъ мы можемъ до нѣкоторой степени уяснить себѣ и личность женщины, которую любилъ Пушкинъ, и характеръ самой его любви. Это была, повидимому, очень молодая женщина, еще полу-ребенокъ, съ яснымъ духомъ, съ тихимъ умомъ, нѣжная и полная участія, неопытная въ страстяхъ и злѣ. Пушкинъ давно ее любилъ («дивились *долгому* любви моей мученью»). Любила-ли она его? Онъ этого долго не зналъ. Была только одна минута, когда ему показалось, что онъ любимъ: онъ узналъ, отъ нея самой или чрезъ другое лицо, что ей понравились какіе-то (опредѣленные) его стихи и что она твердила ихъ про себя (или пѣла). Въ августѣ 1821 года случилось что-то, что *почти* увѣрило его въ ея взаимности; возможно, что это былъ именно тотъ случай съ его стихами. Какъ бы то ни было, 23-го августа онъ пишетъ первую элегію: онъ слишкомъ поздно узналъ о ея любви, онъ мертвъ духомъ, жизнь кончена для него. Вторую пьесу онъ пишетъ черезъ два дня: она просила его рассказать ей о его бурной молодости, о томъ, сколько разъ и въ кого онъ былъ влюбленъ до нея; нѣтъ, онъ не расскажетъ ей этого; его рассказъ омрачилъ бы ея свѣтлый духъ, ее испугала бы его любовь, въ которой его послѣднее наслажденье. Но о ея любви къ нему онъ все время, и въ I, и во II, говоритъ неувѣренно: въ I—«если я любимъ», а во II—ни разу о ея любви, все только о *своей*: «моей любви, быть можетъ, ужаснешься», «сегодня я *люблю...*»

Эти два стихотворенія составляютъ, очевидно, одинъ этюдъ. Они написаны въ Кишиневѣ, — какъ уже сказано, 23 — 25-го ав-

густа 1821 г.; и они свидѣтельствуютъ, что предметъ его любви былъ тутъ же,—въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Пушкинъ слишкомъ правдивъ и слишкомъ конкретенъ въ своемъ творествѣ, чтобы выдумывать сюжеты для своихъ стихотвореній. Но у насъ нѣтъ никакихъ свѣдѣній о томъ, была ли М. А. Голицына въ Кишиневѣ въ августѣ 1821 г. Мы знаемъ только, что ея семья имѣла близкія отношенія къ югу, къ Одессѣ и Крыму. Ея мать—во второмъ бракѣ тоже Голицына—по крайней мѣрѣ, въ 30-хъ годахъ жила въ Одессѣ, и тамъ же умерли и она, и ея мужъ *). Сестра Маріи Аркадьевны, по мужу Башмакова, уже въ 1823 г. жила съ мужемъ въ Одессѣ **) (и часто встрѣчалась съ Пушкинымъ у Воронцовыхъ); одинъ изъ братьевъ нѣкоторое время былъ адъютантомъ Воронцова ***), съ которымъ они были въ довольно близкомъ родствѣ. Пьеса «Давно объ ней воспоминае» даетъ основаніе думать, что въ данный моментъ (1823 г.) М. А. была въ Одессѣ ****).

Намъ остается сказать два слова о третьемъ изъ стихотвореній, посвященныхъ кн. М. А. Голицыной. Оно написано почти чрезъ два года послѣ первыхъ пьесъ. Чувство Пушкина уже остыло. Онъ вспоминаетъ тотъ давній, памятный ему случай, когда онъ узналъ, что его стихи ее очаровали; теперь случилось нѣчто другое — объ этомъ второмъ случаѣ Пушкинъ говорить неясно:

Вновь лирѣ слезъ и тайной муки
Она съ участіемъ вяла —
И нынѣ ей передала
Свои плѣнительные звуки *****).

*) «Русск. Стар.» 1878, дек., 749.—Н. Н. Голицынъ, «Материалы», 78.

**) Вигель, нов. изд., ч. VI, стр. 188—189.

***) «Русск. Стар.», 1894, мартъ, 70.

****) Такъ думаетъ и П. Е. Щеголевъ, цит. ст., стр. 97, прим. Мужъ Маріи Аркадьевны, кн. М. М. Голицынъ 2-й, какъ видно изъ его формулярнаго списка, любезно доставленнаго мнѣ Н. П. Чулковымъ, 4 марта 1833 года былъ назначенъ «для особыхъ порученій» къ Новороссійскому и Бессарабскому генераль-губернатору.

*****) Быть можетъ *спѣла*, какъ предполагаетъ П. Е. Щеголевъ? Онъ прибавляетъ: «Быть можетъ (это только предположеніе!), она сама создавала музыку къ нравившимся ей стихамъ»; предположеніе мало правдоподобное.

Это послѣднее стихотвореніе онъ лично передалъ или чрезъ Башмакову переслалъ Голицыной. По крайней мѣрѣ, въ 1825 году, готовя изданіе своихъ стихотвореній, онъ поручаетъ брату взять эту пьесу у Голицыной.

IV.

Теперь, зная настроенія Пушкина въ первый періодъ ссылки, зная и его омертвѣлость, и его сѣверную любовь, мы глубже и вѣрнѣе поймемъ его «Кавказскаго Плѣнника», написаннаго непосредственно послѣ поѣздки на Кавказъ и въ Крымъ (начать еще въ Гурзуфѣ).

Если бы нужны были еще доказательства поразительной, цепетильной, почти педантической правдивости Пушкина, лучшимъ изъ нихъ могла бы служить эта поэма. Она вѣрна дѣйствительности до мелочей. Пушкинъ самъ, въ письмѣ къ Гнѣдичу, указалъ на одну такую черту: какъ ни соблазнительно было избрать мѣстомъ дѣйствія горы и ущелья Кавказа, — онъ «поставилъ своего героя въ однообразныхъ равнинахъ, гдѣ самъ прожилъ два мѣсяца». И подобныхъ чертъ много. Напримѣръ, дѣйствіе поэмы происходитъ лѣтомъ, въ періодъ грозъ, косябы (можетъ-быть, второй)—когда и Пушкинъ былъ на Кавказѣ. Онъ описываетъ Байрамъ—и отъ Геракова мы знаемъ («Пут. зап.», 153), что въ тотъ годъ Байрамъ начался 5-го или 6-го сентября, и, слѣдовательно, Пушкинъ могъ его видѣть у крымскихъ татаръ.

Пушкинъ неоднократно признавался, что въ лицѣ Плѣнника онъ изобразилъ самого себя. Соглашаясь съ мнѣніемъ Горчакова, что характеръ Плѣнника неудаченъ, онъ замѣчаетъ: «Это доказываетъ, что я не гожусь въ герои романтическаго стихотворенія», и, посвящая поэму младшему Раевскому, онъ говоритъ:

Ты здѣсь найдешь...

Мечты знакомыя, знакомыя страданья

И тайный гласъ души моеи.

Мы видѣли, каково было душевное состояніе Пушкина на Кавказѣ и въ Крыму—и какимъ оно представлялось ему самому. Три чувства преобладали въ немъ: 1) онъ чувствовалъ себя на свободѣ, и былъ интимно увѣренъ, что *самъ* бѣжалъ отъ «стѣснительныхъ условій и оковъ»; 2) онъ чувствовалъ себя

нравственно мертвымъ, недоступнымъ никакому очарованью, никакой радости; 3) наконецъ, онъ лелѣялъ какую-то давнюю, нераздѣленную любовь. Этими тремя элементами всецѣло исчерпывается и психологическій сюжетъ «Кавказскаго Плѣнника». Больше въ немъ нѣтъ ничего. Замѣчательно, что въ своей безсознательной правдивости Пушкинъ и Плѣнника сдѣлалъ поэтомъ, какимъ былъ самъ: «Охолодѣвъ къ мечтамъ и мирѣ», говорить онъ о Плѣнникѣ.

Въ стихотвореніяхъ, написанныхъ Пушкинымъ за это первое время его ссылки, можно подобрать рядъ признаній, почти буквально совпадающихъ съ характеристикой, которую онъ даетъ своему Плѣннику. И Плѣнникъ, какъ самъ Пушкинъ, «бѣжалъ» съ сѣвера—и по той же причинѣ:

Отступникъ свѣта, другъ природы,
Покинулъ онъ родной предѣлъ
И въ край далекій полетѣлъ
Съ веселымъ призракомъ свободы.

И то, что дальше говорится о Плѣнникѣ:

Свобода! онъ *одной тебя*
Еще искалъ въ подлунномъ мѣрѣ, —

это самое Пушкинъ, въ 1821 г., писалъ Дельвигу о себѣ:

Къ невѣрной славѣ я хладѣю —
Одна свобода мой кумиръ.

Общъ ему съ Плѣнникомъ и «души печальный хладъ». Какъ въ немъ самомъ, это — самая рѣзкая черта въ душевномъ состояніи Плѣнника: она проходитъ красной нитью черезъ всю поэму. Въ отвѣтъ на любовь черкешенки Плѣнникъ говоритъ:

Но поздно: умеръ я для счастья,
Надежды призракъ отлетѣлъ;
Твой другъ отвыкъ отъ сладострастья,
Для нѣжныхъ чувствъ окаменѣлъ.

Когда, въ августѣ 1821 г., Пушкину показалось, что кн. М. А. Голицына готова отвѣчать на его любовь, онъ писалъ ей (въ пер-

вомъ изъ посвященныхъ ей стихотвореній, — эти стихи были потомъ отброшены):

Нѣтъ, поздно, милый другъ, узналъ я наслажденье:
Ничто души моей не воскресить.
Ей чуждо страсти упоенье
И счастье тихое меня не веселить.

И онъ объясняетъ эту душевную мертвенность Плѣнника такъ же, какъ собственную разочарованность: дѣйствиемъ страстей, рано опустошившихъ душу:

Безъ упоенья, безъ желаній,
Я вяну жертвою страстей,

Или:

Страстями сердце погубя...

Или:

Гдѣ бурной жизнью погубилъ
Надежду, радость и желанье... и т. д.

Но, какъ и онъ, Плѣнникъ унесъ съ собою изъ родного края долгую, мучительную страсть—и также безъ взаимности, какъ Пушкинъ. То, что Пушкинъ говоритъ о себѣ въ элегии «По-гасло дневное свѣтило»,—то самое онъ почти буквально говоритъ и о Плѣнникѣ:

...въ немъ тѣснились
Воспоминанья прошлыхъ дней...
Лежала въ сердцѣ, какъ свинецъ,
Тоска любви безъ упованья.

Даже романтическую фэбулу своей поэмы (которую надо отличать отъ психологическаго сюжета) Пушкинъ не выдумалъ, а взялъ, повидимому, изъ собственнаго опыта. Въ объятіяхъ женщины думать о *другой*—такова эта фэбула:

Какъ тяжело мертвыми устами
Живымъ лобзаньямъ отвѣчать,
И очи, полныя слезами,
Улыбкой хладною встрѣчать!
Измучась ревностью напрасной,
Уснувъ безчувственной душой,
Въ объятіяхъ подруги страстной
Какъ тяжело мыслить о другой!..

Вся эта фабула in pace заключена въ стих. «Дорида», которое было написано Пушкинымъ еще въ Петербургѣ, за нѣсколько мѣсяцевъ до ссылки: въ объятіяхъ Дориды ему «другія милыя... видѣлись черты» и «имя чуждое уста» его «шептали».

Надо обратить вниманіе на тѣ два стиха о Плѣнникѣ:

Измучась ревностью *напрасной*,
Уснувъ безчувственной душой...

Въ нихъ вся исторія «сѣверной» любви Плѣнника—и Пушкина.

V.

Этой сѣверной любовью вдохновлялась поэзія Пушкина на югѣ цѣлыхъ два года, ею внушенъ былъ не только «Кавказскій Плѣнникъ», но и «Бахчисарайскій Фонтанъ». Чуднымъ свѣтомъ озаряется для насъ его творчество—мы нисходимъ до таинственныхъ источниковъ вдохновенія.

Но ихъ даже не надо искать, ихъ показываетъ намъ, самъ Пушкинъ. Онъ увезъ на югъ только смутный обликъ любимой женщины, не настоящую страсть, а глубокое томленіе, сладкое очарованье недостижимой, нѣжной, кроткой красоты. И, можетъ быть, именно этой безбурной полнотою волшебнаго очарованья, этой туманностью чарующаго образа и питалось больше всего вдохновеніе поэта. Реальная страсть узка, нетерпима, въ ней нѣтъ такой дали. Въ черкешенкѣ и въ Маріи Потоцкой Пушкинъ возвелъ въ «перль созданія» женщину своей сѣверной любви.

Онъ самъ говорить это. Стоя передъ фонтаномъ въ Бахчисараѣ, онъ равнодушно смотрѣлъ кругомъ:

...не тѣмъ

Въ то время сердце полно было.

Ему чудилась тѣнь дѣвы:

Чью тѣнь, о, други, видѣлъ я?
Скажите мнѣ: чей образъ нѣжный
Тогда преслѣдовалъ меня,
Неотразимый, неизбѣжный?

То были не Марія и Зарема, — то былъ образъ другой, живой женщины:

Я помню столь же милый взглядъ
И красоту еще земную;
Всѣ думы сердца къ ней летятъ;
Объ ней въ изгнаніи тоскую...
Безумецъ! полно, перестань,
Не растравляй тоски *напрасной!*
Мятежнымъ снамъ любви несчастной
Заплачена тобою дань —
Опомнись! долго ль, узникъ томный,
Тебѣ оковы лобызать,
И въ свѣтѣ лироу нескромной
Свое безумство разглашать?

Это—та самая любовь, о которой онъ говорилъ въ первомъ стихотвореніи кн. Голицыной:

Но если юноши, внимая молча мнѣ,
Дивились долгому любви моей мученью...

Пушкинъ самъ рассказываетъ (1823 г.), что, прочитавъ Туманскому отрывки изъ своего «Бахчисарайскаго Фонтана», онъ сказалъ ему, что не желалъ бы напечатать эту поэму, «потому что *многія мѣста* относятся къ одной женщинѣ, въ которую я былъ очень долго и очень глупо влюбленъ, и что *роль Петрарки* мнѣ не по нутру». То самое, что онъ говоритъ въ заключительныхъ стихахъ поэмы, онъ повторилъ и въ стихотвореніи «Фонтану Бахчисарайскаго дворца»:

Или Марія и Зарема
Однѣ счастливыя мечты?
Иль только сонъ воображенья
Въ пустынной мглѣ нарисоваль
Свои минутныя видѣнья,
Души неясный идеаль?

Въ черновомъ было: «*Люби безумной идеаль*».

И уже позднѣе, въ «Онѣгинѣ», вспоминая объ свои поэмы — и «Плѣнника», и «Фонтанъ», — онъ писалъ:

Замѣчу кстати: всѣ поэты —
Любви мечтательной друзья.
Бывало, милые предметы

Мнѣ снились, и душа моя
 Ихъ образъ тайный сохранила;
 Ихъ послѣ муза оживила:
 Такъ я, безпечень, воспѣваль
 И дѣву горь, *мой идеаль*,
 И плѣнницъ береговъ Салгира...

Не потому ли Пушкинъ въ томъ стихотвореніи кн. Голицыной, 1821 г., писалъ:

...Но если въ день печали
Задумчивой игрой мнѣ струны отъѣчали,

—и упорно говорилъ, что, можетъ-быть, ей былъ обязанъ вдохновеньемъ?

На югѣ Пушкинъ, какъ извѣстно, впервые узналъ Байрона, и отсюда начинается «байроническій» періодъ его творчества. Вопросъ о байронизмѣ у Пушкина требуетъ коренного пересмотра. Нельзя—какъ это большею частью дѣлалось до сихъ поръ—говорить о вліяніи, не изучивъ предварительно ту психическую почву, на которую легло это вліяніе; чтобы выдѣлить байроническіе элементы въ поэзіи Пушкина, надо знать, чѣмъ былъ Пушкинъ въ моментъ своего ознакомленія съ Байрономъ. Этотъ вопросъ требуетъ спеціальнаго изслѣдованія, но основныя линіи уже теперь ясны. Мы видѣли, какъ много «байроническихъ» элементовъ было въ душѣ Пушкина уже въ 1819 г. и началѣ 1820 г., т.-е. прежде, чѣмъ Раевскіе познакомили его съ поэзіей Байрона; и съ другой стороны, легко замѣтить, что одна изъ основныхъ чертъ Байроновскаго настроенія осталась чужда ему и послѣ этого знакомства: бурный протестъ, мятежь противъ соціального насилія. Высылка Пушкина изъ Петербурга была соединена съ ужасными оскорбленіями, доведившими его до мыслей о самоубійствѣ или убійствѣ, да и, помимо этого, самая ссылка была насильственнымъ актомъ. Пять лѣтъ спустя, Пушкинъ заговорить о мести и назоветъ ее: «бурная мечта ожесточеннаго страданья». Но на первыхъ порахъ, на Кавказѣ и въ Крыму, у него не только не вырывается ни одной ноты возмущенія, протеста, но, какъ мы видѣли, онъ игнорируетъ даже самый фактъ ссылки, и чтеніе Байрона въ этомъ отношеніи нимало не вліяетъ на него; по его стихамъ никто не догадался бы, что онъ—жертва грубаго произвола. Такимъ образомъ, мы думаемъ, что вліяніе Байрона не внесло въ психику Пушкина ни одного новаго эле-

мента; оно только помогло ему яснѣе осознать его собственное душевное состояніе, въ какомъ онъ былъ тотчасъ по прїѣздѣ на югъ.

Въ заключеніе привожу упомянутыя выше письма Н. Н. Раевского-отца къ Ек. Н. Раевской.

1.

13-го іюня. Горячія воды.—Гдѣ ты, милая дочь моя Катенька? каково твое здоровье и сестры твоей Аленушки?—вотъ единственная мысль моя, которая и во снѣ меня не оставляетъ. Я никакихъ плановъ не дѣлаю, пока не получу отъ васъ извѣстія; послѣднее имѣлъ въ Кіевѣ отъ 6-го мая. Выѣхалъ я 19-го *), 21-го ночевалъ въ Смѣлѣ, отпустилъ сестеръ по утру въ Каменку, самъ же поѣхалъ въ Сунки для нѣкоторыхъ испытаній на винномъ заводѣ, и прїѣхалъ къ матушкѣ вечеромъ.

Изъ сего начала ты видишь, мой другъ, что я пишу родъ журнала, родъ, потому что для онаго недовольно подробно, а для письма слишкомъ обстоятельно и длинно.

О Каменкѣ тебѣ ни слова, все по прежнему — хуже быть не можетъ, развѣ новыя мерзости.

Я выѣхалъ изъ Болтышки **) послѣ ночлега, позавтракалъ у Аграфены Ивановны ***) и пустился въ путь. Въ Елисаветградѣ остановился у Фундуклея, гдѣ нашелъ доктора Бетриха. Первый жаловался, что люди мало пьютъ водки, второй—что мало больныхъ!

Изъ Елисаветграда ѣхалъ я нѣкоторое время Николаевской дорогой, потомъ повернулъ влѣво на Кременчугскую, не доѣзжая его, повернулъ вправо на *Екатеринославль* въ виду Днѣпра нагорнымъ берегомъ; мѣста прекрасныя, рѣка излучистая, во всей своей красотѣ. Въ Екатеринославль прїѣхалъ въ десятомъ часу ночи, къ губернатору Карагеоргію, который имѣлъ ударъ отъ

---

*) Т.-е. изъ Кіева; это же число указываетъ и Рудыковскій («Русскій Вѣстн.», 1841 г., ч. I).

**) Имѣніе Н. Н. Раевского, Кіевской губ.

***) Величковской.

паралича, но болѣзни своей не знаетъ. Екатеринославль на прекрасномъ мѣстѣ расположенъ вдоль Днѣпра. Городъ не обширный, улицы и дома чистые, и при каждомъ садѣ, что составляетъ картину весьма пріятную. Съ горы, которую предположено застроить, въ хорошую погоду виденъ Павлоградъ въ 70-ти верстахъ разстоянія. На сей высотѣ заложена была церковь императрицей Екатериной, которой величиной мало въ Европѣ равняться могутъ,—она оставлена; тутъ валится дворецъ, въ которомъ жилъ князь Потемкинъ, при немъ прекраснѣйшій, но запущенный садъ, обширный, съ прекрасными деревьями, коимъ окружающія степи цѣну прибавляютъ! Великій князь Николай Павловичъ, смотря на дворецъ, повторилъ слышанныя слова: *этотъ человекъ все начиналъ, ничего не кончалъ.* — Потемкинъ заселилъ обширныя степи, распространилъ границу до Днѣстра, сотворилъ Екатеринославль, Херсонъ, Николаевъ, флотъ Чернаго моря, уничтожилъ опасное гнѣздо непріятельское внутри Россіи приобрѣтеніемъ Крыма и Тавриды, а не докончилъ только круга жизни человѣческой, не достигнувъ границы, ей предназначенной, умеръ во всей силѣ ума и тѣла!

Въ Екатеринославлѣ переночевалъ, позавтракалъ и поѣхалъ по Мариупольской дорогѣ. Въ 70-ти верстахъ переправился черезъ Днѣпръ при деревнѣ *Нейенбургъ*,—нѣмецкая колонія въ цвѣтущемъ положеніи, уже болѣе 30-ти лѣтъ тутъ поселенная. Тутъ Днѣпръ только что перешелъ свои пороги, посреди его—каменные острова съ лѣсомъ, весьма возвышенныя, берега также мѣстами лѣсные; словомъ, виды необыкновенно живописныя, я мало видалъ въ моемъ путешествіи, кои бы могъ сравнить съ оными.

За рѣкой мы углубились въ степи, ровныя, одинакія, безъ всякой переменъ и предмета, на которомъ бы могъ взоръ путешествующаго остановиться; земли способныя къ плодородію, но безводныя и посему мало заселенныя. Онѣ отличаются отъ тѣхъ, что мы съ тобой видали, множествомъ травы ковылемъ называемой, которую и скотъ пасущійся въ пищу не употребляетъ, какъ будто бы почитаетъ единственное ихъ украшеніе. Надобно признаться, что при восходѣ или захожденіи солнца, когда смотришь на траву противъ онаго, то представляется тебѣ чистаго серебра волнующееся море.

Близъ Мариуполя открыли глаза наши Азовское море. Мариуполь, какъ и Таганрогъ, не имѣетъ пристани, но суда пристають по глубинѣ ближе къ берегу. 40 лѣтъ, какъ населенъ онъ

одними греками, торгуютъ много хлѣбомъ, скотомъ, въ 120-ти верстахъ отъ Таганрога, окружены землями плодородными, а хлѣбъ, то-есть пшеница, и въ теперешнее дешевое время продается до 16-ти рублей. На первой почтѣ за Мариуполемъ встрѣтили мы жену Гаевского, которая дожидалась меня трое сутокъ и отправилась къ мужу; ей не дали лошадей, для меня приготовленныхъ. Она за то приготовила намъ завтракъ, мы поѣли, я написалъ съ нею вамъ письма, и поѣхали.

Въ Таганрогъ пріѣхаль я утромъ. Городъ на хорошемъ мѣстѣ, строенъ бѣдный, много домовъ покрытыхъ соломой, но торговлей богатъ и обыкновенно вдвое приносить правительству противъ Одессы. Способовъ ей не даютъ, купцы разныхъ націй не имѣютъ общественнаго духа, отъ сего нѣтъ никакого общественнаго заведенія, пристани нѣтъ, а по мелководу суда до берега далеко не доходятъ, а при мнѣ сгружали и нагружали оныя на подмощенныхъ телѣгахъ, которыя лошади въ водѣ по горло подвозили къ судамъ.

Обѣдалъ я у градоначальника Папкова, ночеваль и поутру рано отправился въ *Ростовъ*, что прежде было предмѣстьемъ крѣпости *Свѣтлаго Димитрія*.

Крѣпость сія есть то мѣсто, гдѣ 37 лѣтъ тому назадъ жилъ я почти годъ съ матушкой по той причинѣ, что Левъ Денисовичъ, командовавшій полкомъ, ходилъ на Кубань подъ командой Суворова, а чтобъ разсмѣшить тебя, мой другъ, напомню пѣсенку, мной сочиненную дѣвицѣ Пеленкиной и тебѣ извѣстную, въ которой я назвалъ ее Лизетой, потому что къ ея имени, т.-е. Алены, я рѣиы пріискать не могъ. Въ первый разъ ѣхавъ на Кавказъ при жизни ея мужа тому 25 лѣтъ, я у нихъ обѣдалъ; нынче, узнавъ, поѣхаль къ ней, засталъ у нихъ гостей; одна дочь замужемъ, другая же, 17 лѣтъ, въ дѣвицахъ, и такъ хороша, какъ мало видалъ я хорошихъ. Я посидѣлъ, посмѣялись насчетъ ребяческихъ лѣтъ нашихъ и... разстались безъ слезъ, ни сожалѣнья.

За крѣпостью есть другой форштатъ, или городъ армянскій, *Нахичевань* называемый, пространный, многолюдный и торговлей весьма богатый. Образъ жизни, строенье, лица, одѣянье, все оригинальное. Мы его проѣхали и прибыли на ночлегъ въ станицу *Аксай* на устьѣ рѣки *Аксай*, вверхъ по которой въ 35-ти верстахъ перенесена столица донскихъ казаковъ и названа *Новымъ Черкасскомъ*. Въ Аксаяхъ долженъ былъ я переправляться чрезъ Донъ; послалъ тотчасъ письмо съ казакомъ къ атаману Денисову, что буду на завтра къ нему обѣдать, и куда всей гурьбой на утро отправился. Новый Черкасскъ, зало-

женный Платовымъ,—городъ весьма обширный, регулярный, но еще мало населенный, на высокомъ степномъ мѣстѣ, на берегу рѣки Аксай, которая теперь въ половодье разливами соединяется съ Дономъ, но различить ихъ весьма можно по разности цвѣта воды. Пообѣдавъ, выпросилъ шлюпку и поѣхали назадъ водой. Вообрази ты себѣ берегъ нагорный, съ разнообразными долинами, холмами, рощами, виноградными садами, и застроенный непрерывными дачами на разстояніи сорока верстѣ, въ степномъ уголку земного шара,—ты можешь легко представить чувства смотрящаго на сіи картины человѣка, коего сердце къ пріятнымъ чувствамъ открыто быть можетъ. Мои всѣ были въ восхищеніи, и я былъ бы также, когда бъ вы были со мной и здоровы! — На пути, спросивъ на дачѣ граф. Кат. Дмитр. Орловой, вдовы атамана, тещи Палена, и узнавъ, что съ часъ какъ пріѣхалъ сосѣдъ нашъ Орловъ Алексѣй Петровичъ, который теперь здѣсь на водахъ, мы вышли на берегъ, я съ нимъ повидался, потомъ сѣлъ въ шлюпку и пріѣхали уже ночью довольно поздно въ Аксай.

На другой день рано, отправивъ кареты на большомъ суднѣ на другой берегъ, до коего было 18 верстѣ, сѣли опять въ шлюпку и поѣхали въ Старый Черкасскъ. Сей разжалованный городъ въ станицу еще болѣе обыкновеннаго залить водою. Въ немъ осталось домовъ до 700, въ томъ числѣ нѣсколько старыхъ фамилій чиновниковъ, какъ-то Ефремовыхъ и пр., другія-жъ перевезены въ Черкасскъ. Но церковей не перевезли и ихъ богатства, но не могли увезть памяти, что это первое было гнѣздо донскихъ казаковъ. Словомъ, Старый Черкасскъ останется вѣчно монументомъ какъ для русскихъ, такъ и для иностранныхъ путешественниковъ. — Обойдя все, что тамъ есть достойнаго, отправились и мы на лѣвый берегъ Дона и приплыли въ Азію въ одно время съ нашими каретами.

Тутъ кончу, другъ мой Катенька, первое описаніе мое; продолженіе впредь, я усталъ писать, ты устанешь читать, — отдохнешь, опять примешься за чтеніе, а я за перо. Прощайте, милыя мои дочки, обнимаю васъ.

2.

Продолженіе. — Мы вышли на лѣвый берегъ Дона, сѣли въ кареты и пустились въ путь, 200 верстѣ ѣхали землями, принадлежащими донскому войску, кои въ мое время, равно и 170 верстѣ Кавказской губерніи до называемой *Донской крѣпости*, составляли степь безводную и необитаемую, и на всемъ семь разстояніи кромѣ однѣхъ

землянокъ ничего не было, нынѣ жъ нашелъ я большія селенія, колодцы, пруды и все необходимо нужное для жизни проѣзжающаго. На другой день пріѣхалъ въ *Ставрополь*, уѣздный городъ, на высокомъ и пріятномъ мѣстѣ и лучшемъ для здоровья жителей всей Кавказской губерніи. Въ немъ нашелъ я каменные казенные и купеческіе дома, сады плодовые и немалое число обывателей, словомъ, преобразованный край, въ который ѣдущаго ничего кромѣ отдаленности страшить не должно. Сильная гроза и дождь заставили меня остановиться ночевать за сорокъ верстъ отъ Георгіевска, куда я отправилъ кухню и на другой день пріѣхалъ на готовый обѣдъ въ домъ генерала Стала, начальника Кавказской линіи. Тутъ я обѣдалъ, ходилъ по городу, но не нашелъ и слѣдовъ моего жилища и мѣста рожденія брата твоего Александра; запасся всѣмъ нужнымъ, переночевалъ и на другой день пріѣхалъ на Горячія воды въ нанятый для меня домъ.

Воды горячія истекаютъ изъ горы, называемой Мечукъ, надъ рѣкой Подкумкомъ лежащей; самый низкій ключъ, не менѣе 6 или 7 сажень вышины, истекаетъ отъ подошвы небольшой долины, въ которой все селеніе расположено въ 2 улицы; я примѣтилъ до 60 домовъ, домиковъ и лачужекъ, и какъ сего недостаточно для пріѣзжающихъ, то нанимаютъ калмыцкія кибитки, палатки, и располагаются лагерями, гдѣ кому полюбится, и какъ будто поддѣлываются нестройной здѣсь природѣ. Ванны старыя, хотя стоятъ казнѣ довольно дорого, ни вида, ни выгодъ не имѣютъ, новыя жъ представляютъ и то, и другое, и возможную чистоту и опрятность. Видъ изъ оныхъ наипрѣятнѣйшій на *Бештовую* гору или *Пятигорію*, ибо по оной бывшее тутъ въ древности нѣкое княжество называлось. Я расположилъ мою жизнь слѣдующимъ образомъ: встаю въ 5 часовъ, иду купаться, возвратясь черезъ часъ, пью кофій, читаю, гуляю, обѣдаю въ 1-мъ часу, опять читаю, гуляю, купаюсь, въ 7-мъ пью чай, опять гуляемъ и ложимся спать. Сестры купаются по одному разу, а когда жарко — по два, въ водѣ кисло-сѣрной, теплотою какъ парное молоко, единственно для забавы, я — въ горячей, имѣющей выше 38-ми градусовъ, и часто прихожу заблаговременно пользоваться съ галлерей видомъ наипрѣятнѣйшимъ горъ и забавнымъ сего селенія и жителей, каррикатурныхъ экипажей, пестроты одѣяній; смѣсь калмыковъ, черкесъ, татаръ, здѣшнихъ казаковъ, здѣшнихъ жителей и пріѣзжихъ — все это подъ вечеръ движется, встрѣчается, расходится, сходится, и все до бездѣлицы съ галлерей новыхъ ваннъ глазамъ вашимъ открыто.

Мы ѣздили въ называемую неправильно *шотландскую* колонію

ибо ихъ только двѣ фамиліи, кои миссіонеры лондонскаго Библейскаго общества, остальные же разные нѣмцы. Ъздили мы на благодѣтельный желѣзный горячій ключъ, въ Бештовой горѣ находящійся. При первомъ хорошемъ днѣ положено ѣхать на верхъ шпица Бештоваго, съ котораго вереть на сто открывается во все стороны. Въ первыхъ числахъ переселюсь на Желѣзныя воды, гдѣ, пробывъ двѣ недѣли, поѣду на Кислыя, и тамъ только рѣшительно могу сказать о пользѣ здѣшняго моего лѣченія, теперь же, кромѣ надежды, ничего имѣть положительнаго нельзя. Желѣзныя воды дѣлають чудеса во всякомъ родѣ расслабленія, какъ и въ томъ случаѣ, въ какомъ и ты, мой другъ, находишься; я для тебя полную имѣю на нихъ надежду. Кислыя жъ, полагаю, и для Аленушки могутъ быть полезны, употребленіе жъ всеѣхъ оныхъ испытавъ на себѣ, могу быть путеводителемъ. Возьму заблаговременно все мѣры для пріятности жизни, и намъ, кромѣ пользы здоровья, вѣрно будетъ весело. Прощай, милая моя Катенька, хотя письмо адресую въ Кіевъ, но надѣюсь, что оно найдетъ васъ въ Крыму, куда явлюсь я въ половинѣ августа молодець молодець.

3.

29-го іюня. Горячія воды. — Отъ матери вчерась получилъ письмо съ полковникомъ Преображенскимъ, отъ 24-го, по почтѣ жъ двѣ недѣли не имѣю объ васъ извѣстія и не вижу, чтобъ вы сбирались ѣхать въ Крымъ, посему все адресую письма въ Кіевъ. Самъ же я переѣзжаю чрезъ пять дней на Горячія желѣзныя воды на двѣ недѣли, оттоль на Кислыя также недѣли на двѣ, а оттоль въ Крымъ.

О себѣ, другъ мой Катенька, ничего еще сказать не могу; рюматизмъ не чувствую, но это можетъ только въ здѣшнемъ климатѣ, а избавился ль ихъ, это покажетъ время... Жизнь наша та же, ѣздили мы на Бештовую высокую гору, ходимъ, спимъ, пьемъ, купаемся, играемъ въ карты, словомъ, кое-какъ убиваемъ время. Нынче Петровъ день, вечеромъ будетъ маленькій фейерверкъ. Все это хорошо, когда ничего нѣтъ лучшаго. Прощай, милая Катенька, обнимаю тебя, мой другъ.

4.

6-е іюля. Желѣзныя воды бештовыя. — Вотъ четвертый день, какъ мы здѣсь, милая Катенька; купаемся, и я немного пью воду. Здѣсь

мы въ лагерѣ, какъ цыгане, на половинѣ высокой горы. 10 калмыцкихъ кибитокъ, 30 солдатъ, 30 казаковъ, генераль Марковъ, сенаторъ Волконскій, три гвардейскихъ офицера и нынче прїѣзжающій Карагеоргій составляютъ колонію. Мѣста такъ мало, что 100 шаговъ сдѣлать негдѣ — или лѣзть въ пропасть, или лѣзть на стѣну. Но картину передъ собою имѣю прекрасную, т.-е. гору Бештовую, которая между нами и водами, которыя мы оставили.купаюсь три раза, ѣмъ одинъ разъ, играю въ бостонъ, — вотъ физическое упражненіе, а душою съ вами. Большое для меня будетъ удовольствіе узнать, что вы изъ Петербурга выѣхали. Я къ вамъ пишу всякую недѣлю, то-есть всякую почту, а вы не вздумали дѣлать то же. Я сердить. Прощай. *)

---

*) Настоящая статья была впервые напечатана въ «Вѣсти. Евр.», январь 1908 года. Въ 14-мъ выпускѣ «Пушкинъ и его современники» (1911 г.) П. Е. Щеголевъ посвятилъ ея разборъ обширное изслѣдованіе, на которое я тамъ же отвѣчалъ. При пересмотрѣ статьи для настоящаго изданія я воспользовался нѣкоторыми фактическими указаніями г. Щеголева. По существу его критика не поколебала моихъ выводовъ и догадокъ.

М. Гершензонъ.

ОБРАЗЫ

ПРОШЛАГО.

*А. С. Пушкинъ, И. С. Тургеневъ,
П. В. Кирѣевскій, А. И. Герценъ,
Н. П. Огаревъ.*

МОСКВА.

*Т-во Скоропечатни А. А. Левенсонъ, Трехпрудный пер., соб. домъ.
1912.*